

М. А. Хатямова

КОНЦЕПЦИЯ ВРЕМЕНИ В АВТОБИОГРАФИЧЕСКОМ ПОВЕСТВОВАНИИ М. А. ОСОРГИНА «ВРЕМЕНА» («ДЕТСТВО»)

Рассматривается своеобразие автобиографической книги М. А. Осоргина «Времена» (1938 – 1955), которое обуславливается концепцией времени, его структурой и семантикой.

Ключевые слова: литература русского зарубежья, творчество М. А. Осоргина, автобиографическая проза, концепция времени.

Последнюю книгу М. А. Осоргина «Времена» критики называют итогом творчества писателя и одной из вершин русской мемуаристики XX в. [1, с. 35; 2, с. 86; 3, с. 23]. Задумывалась она в 1930-е гг., первые две части («Детство» и «Юность») были опубликованы перед войной, полностью книга увидела свет уже после смерти автора, в 1955 г. Как и многие его современники, Осоргин подводил жизненные итоги в книге воспоминаний: «Пишется долго, больше ночами, когда оживают тени прошлого, которые боятся дневного шума. Пишется со всей силой правды последней, нужной для душевного покоя – при прощании с жизнью»¹ [2, с. 87].

На многообразном фоне мемуаров и автобиографий русской эмиграции (Б. Зайцева, В. Ходасевича, И. Бунина, Г. Адамовича, В. Набокова, З. Шаховской, Р. Гуля, Вяч. Костикова, В. Яновского, Н. Берберовой, И. Одоевцевой и др.) книга Осоргина выделяется сознательной установкой на разрушение «канона» воспоминаний русского рассеяния. Традиционной установке мемуаристов на сохранение событий культурной жизни эмиграции, ее фактических подробностей, портретов современников и их взаимоотношений Осоргин противопоставляет написанный по впечатлениям «роман души» [4, с. 313]. Чаще всего исповедальность автобиографической прозы обуславливает «преобладание в художественном целом воспоминания, которое вытесняет вымысел», поэтому исследователи считают основой автобиографии «работу памяти», а не воображения, фантазирования [5, с. 78–79]. Осоргин, нарушающий хронологию «нагромождением событий, толпой людей, путаницей сроков и дат», напротив, утверждает законность воображения, право автора на творческое пересоздание реальности прошлого: «Я не присягал на верность последовательной строчке, не будучи ни отрывным календарем, ни зингеровской машинкой. Наш мозг не фильм, а светочувствительный песок, и я, взяв горсть, пропускаю его струйки между пальцами» [6, с. 512]. Автор, любовно сохраняющий картинки далекого прошлого, осознает избирательность памяти, сохраняющей лишь самое важное, «отшлифованное прибором жизни».

В автобиографической прозе с ее установкой и на «поиски утраченного времени», и на преодоление времени [7, с. 344] темпоральная организация и перспектива выполняют смысло- и структурообразующую роль. Название же книги Осоргина «Времена» указывает на особую авторскую интенцию в осмыслении категории времени. Закономерно предположить, что именно концепция времени автора определяет своеобразие, неповторимость его воспоминаний.

Первая часть «Детство» выстроена по законам мифологизации «далекого прошлого», которое всегда – «сказочная страна» [6, с. 488]. Автор знает, что абсолютная реконструкция давно утраченного рая невозможна, однако рисует «цветными детскими карандашами» дом своего детства, призывая изобразительные, вкусовые, звуковые картинки из прошлого: шерстяной вкус ледяных сосулек, горький аромат черемухи, гомон прилетевших птиц, музыку капели и ручейков. Автор спорит с собственными воспоминаниями: «Все это, несомненно, так и было, и мне было когда-то и три, и два года, но пишет не память, а воображение, и пишет не по архивным залежам, а лишь подбирая цветные камушки отшлифованных прибором ощущений и подрисовывая их наблюдениями над другими детьми, тоже в валенках и варежках, тоже лакомками до ледяных сосулек» [6, с. 489]. Давнопрошедшее время детства существует только в творческом сознании автора-героя, поэтому и способно корректироваться из настоящего; за воспоминаниями следует другой временной срез, в котором герой рефлексирует над воспоминаниями, уточняет конкретные факты: «Вчера над французским полем я видел грачей, голоносых и черных с синим отливом, и нежность памяти перенес на них, а солнце было действительно то же самое и повернутое тем же боком. Крепко опершись на крючковатую палку с острым наконечником, я через грачевую сеть взглянул на дальний лесок и тут, без всякой связи линий и красок, вспомнил, что не могло быть у дома, в котором я родился, двух примыкавших к переднему фасаду заборов, потому что этот дом был угловым, и я родился за стеклом крайнего левого окна, так мне рассказывали, и ясно вижу себя розовым комочком в плен-

¹ Осоргин Мих. Возлюбленной: Похвальное слово // Последние новости. 1930. № 3319. 10 апр. С. 2

ках, открывающим плаксивый беззубый рот» [6, с. 489].

Монтирование в один фрагмент текста разных временных пластов не вызывает разрыва, столкновения прошлого и настоящего; время дискретно, но и слитно, ибо это время человеческого сознания. Автор уже не стремится «догнать время», вернуть невозвратное прошлое буквально: вернувшись из первой эмиграции на малую родину, он обнаруживал, что «все... чужое, и не стоило ехать тысячу верст, чтобы на это чужое смущенно и недоуменно смотреть» [6, с. 489]. «Необратимость детских воспоминаний» – вот главная из причин, почему он перестал любить жизнь [6, с. 508]. Он даже полемично заявляет, что прошлое, опыт детства – это только пища для творчества: «...картина памяти моей нарисована детским воображением и взрослыми к нему поправками, моей литературной мечтой, не нуждающейся в реальном», однако тут же и торопится восстановить реальные факты, опровергая сам себя: «Но не мог не быть скат к речке Егошихе...» [6, с. 490]. Как будто стихийно и немотивированно, но на самом деле последовательно, стройно и иерархично выстраиваются им детские воспоминания как факторы, сформировавшие душу ребенка и будущего взрослого человека со своей неповторимой судьбой.

Первым по значимости и влиянию автор называет существование в природе, как в доме: «Если я начал с описания родного дома... то только для того, чтобы не упустить реки и леса, моих настоящих родителей. Весь с головы до ног, с мозгом и сердцем, с бумагой и чернилами, с логикой и примитивным всебожием, со страстной вечной жаждой воды и смолы и отрицанием машины, – я был и остался сыном матери-реки и отца-леса и отречься от них уже никогда не могу и не хочу» [6, с. 489]. Лирическое признание в любви к уральской природе, русской свободной от наследства крепостного права провинции, деревне Загарье (которую повествователь помнит, «как зарисованную в альбоме»), хутору его крестной матери, наполненному удивительными, незабываемыми вещами, эмоционально контрастирует с первоначальными ироничными установками автора, захватывая читателя в мир глубоких и неповторимых переживаний своего детства. Свободолюбие, как главная ценность семьи, воспринятая мальчиком с самого раннего детства (единственным наказанием, которое он драматически пережил и помнит до сих пор, было лишение его свободы – его заперли в чулан), вырастает именно в бесконечных пространствах уральского леса: история про высосавшего корову арестанта, сочувственное отношение к беглым арестантам у местных крестьян, которые их подкармливали, негативная реакция отца, члена окружного суда, на выдачу арестантов властям изображаются как естественное продолжение этой свобододолюбивой земли. Семья, в которой царил любовь, гармония и взаимное уважение («я не по-

мню ни одной ссоры между родителями, ни одного... упрека или недовольства, и я не знал в детстве, что бывает и иначе»), воспитает в нем убеждение, что «свобода в триллион раз ценнее жизни» [6, с. 493].

К царству зверей, птиц, растений, цветов, собиранию гербария и «грибному спорту» ребенка приобщил отец, приезд которого был «праздников праздник и торжество из торжеств» [6, с. 492]. Отец пятых детей и провинциальный чиновник по необходимости, он и был первым для мальчика «кавалером осмеянного ордена русских интеллигентных чудаков» [6, с. 545], воспринимающих природу одухотворенно, идеально и сумел передать ребенку свое восприятие единства природы и культуры: «То, что он рассказывал мне, маленькому мальчику о наших уфимских землях, о степях, о Бугуруслане, о рыбной ловле, о перелете птиц, я даже не всегда и целиком понимал и понял только взрослым, – понял, что отец рассказывал это самому себе, будоража свои воспоминания и свою любовь к родной ему с детства природе» [6, с. 501]. Отец подарил мальчику две первые и самые важные для него книги – «Робинзона в русском лесу» и «Багрова-внука» Аксакова, с которым семья была в родстве. Кровная и пространственная, «географическая родственность» с Аксаковым и Гончаровым сообщает детским переживаниям героя единство природокультурного, перетекание знакомой природной жизни в известные произведения (обрыв в деревне Загарье, изображенный в романе Гончарова), и, напротив, восприятие живой жизни под влиянием великих книг: «...Все эти любимые отцовские места стали картинами из детских лет “Багрова-внука”, знакомых мне до мелочей. Каждый сам создает свой рай, и мой был создан в полном согласии со страницами Аксакова, – но с прибавкой и своего, ранее облюбованного и возведенного в святость» [6, с. 504].

Яркие события детства и размышление об их роли в дальнейшей судьбе героя: детские игры героя и карточные игры взрослых как проявление страстности русской природы и стремления поиграть с судьбой, общение с проходящими в дом людьми, которые влияли на впечатлительность ребенка (приезд водовоза в мороз, судебный курьер, «доставляющий» подарки от отца), первый «роман» как «предвидение трудности и сложности жизненного пути», музыка и пение в семье, жизнь в «хижине Робинзона» под столом отца, чтение священных для мальчика книг, мистические взаимоотношения с рекой Камой, первый дальний выезд на родину отца и внезапная смерть отца – это нестираемые из памяти образы, которыми наполнен «альбом памяти». «Полудействительные, они вразброд, цветными пятнами развешаны в картинной галерее, куда я иногда убегаю от ясных и разлинованных, аккуратненьких записей взрослой жизни», – признается автор. Однако хронологическая последовательность этих картин (а герой не раз замечает, что

«не присягал на верность последовательной строчке») постоянно нарушается внезапным вторжением других «времен». Картины путешествия по рекам Белой и Деме «перетекают» в плавание на гондоле по венецианскому каналу, рыбалку на лесном озере в верховьях Камы, затем – на Средиземном море и, наконец, на «узкой, но глубокой речонке в Звенигородском уезде». Как фотографии близких людей в семейном альбоме, самые важные для человека переживания столь же реальны в пространстве сознания, как и «вещи человека» (название сборника рассказов М. Осоргина), они предзаданы, обусловлены детством. Автор не хочет изменять детской вере, ибо с позиции сегодняшнего дня знает, что «все возвращается и снова уходит, что гибнет растение – но возрождается в зерне; что путь пролетевшей пчелы повторит другая, что вечен перелетный возврат птиц...» [6, с. 515].

Ассоциативное сближение временных пластов призвано показать единство жизни и судьбы человека. То, «что привито в детстве, остается на всю жизнь» [6, с. 498], – резюмирует автор. Размышляя о своем воспитании, он замечает, что «не очень затруднился бы стать Робинзоном: ничего... кроме удовольствия!». Но таким независимым Робинзоном Осоргин и был сначала в России, а потом – в эмиграции. Именно в детстве формируются механизмы взаимодействия с внешним миром, ударами судьбы. Атмосфера любви и взаимного уважения между родителями и детьми, высокая жертвенная миссия матери, без остатка посвятившей свою жизнь детям и мужу, в самые тяжелые моменты жизни помогали герою выстоять, пере-

жить очередное испытание судьбы. Последовательное монтирование трех эпизодов из разных периодов жизни героя, когда он чувствовал себя «глубоко несчастным» (эпизод в гимназии, завершившийся «защитой» матери, которая оставила его дома и позволила не учить уроков, и два других эпизода в жизни уже взрослого человека – внезапная болезнь в отеле в Неаполе и арест в Чека, пережитые благодаря «передышке» – «пригрезившейся материнской ласке»), воплощают связь начал, детства – с концами, последующей жизнью и поступками человека.

В финале «Детства» автор подтверждает верность привитым и воспринятым в детстве идеалам: «Не изменять никогда детской вере – и тогда не нужно справляться по карте, какими проселочными дорогами и тропинками пролегает путь» [6, с. 514]. Эмоциональная патетичность, сменившая иронию скептика, свидетельствует о том, что мир русской природы, который для Осоргина и есть Родина, был и остался на всю жизнь главным его «символом веры»: «Став писателем, я не написал ни одной книги, где бы символ моей веры не был высказан языком лучшего и единственного учителя моей юности – русской природы, – в тех пределах, в каких мне этот язык доступен. И эти строки случайных и беглых воспоминаний – только поклон той же далекой стороне: небу, воде, лесам, красной гвоздике и душистому майнику; людям, там жившим и живущим; духу вольности, который вернется, как все приходит, уходит и снова возвращается на этой земле. Теням предков и неслышному зову друзей» [6, с. 516].

Список литературы

1. Авдеева О. Ю. «Ласточки непременно прилетят...» // Осоргин М. А. Сивцев Вражек. Роман. Повесть. Рассказы. М., 1990.
2. Марченко Т. В. Творчество М. А. Осоргина: 1922–1942: дис. ... канд. филол. наук. М., 1994.
3. Ласунский О. Г. В споре с эпохой // Осоргин М. А. Воспоминания. Повесть о сестре. Воронеж, 1992.
4. Марченко Т. В. Осоргин (1878–1942) // Литература русского зарубежья: 1920–1940. М., 1993.
5. Абуталиева Э. И. Содержательные и структурные доминанты автобиографического романа в русском зарубежье 20–50-х годов XX века // Русский роман XX века: Духовный мир и поэтика жанра: сб. науч. тр. Саратов, 2001.
6. Осоргин Мих. Времена. Екатеринбург, 1992.
7. Николина Н. А. Поэтика русской автобиографической прозы. М., 2002.

Хатямова М. А., доктор филологических наук, профессор.
Томский государственный педагогический университет.
Ул. Киевская, 60, г. Томск, Томская область, Россия, 634061.
E-mail: khatyamova@mail2000.ru

Материал поступил в редакцию 31.05.2010

М. А. Khatyamova

THE TIME CONCEPTION OF AUTOBIOGRAPHICAL BOOK BY M. A. OSORGIN «VREMENA»

The article reveals peculiarities of the autobiographical book «Vremena» (1938 – 1955) by M.A. Osorgin, which is determined by the time conception, its structure and semantics.

Key words: *literary of Russian abroad, fiction by M. A. Osorgin, autobiographical prose, the time conception.*

Tomsk State Pedagogical University.
Ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Tomskaya oblast, Russia, 634061.
E-mail: khatyamova@mail2000.ru